

«ЧТО ЭТО за бардак?» — спросил Вацлав Клаус, уже смещенный с поста премьер-министра Чехии, когда заметил группу демонстрантов, одетых львами. Люди-львы стояли у входа в парламент, один из них — с портретом Гитлера в руках. По старой коронационной дороге в сердце Праги двигалась процессия в масках, неся свои плакаты. Все правители Чехии XX века смотрели с этих плакатов: от императора Франца-Иосифа до Вацлава Гавела.

Почтовые марки — знак государственной независимости: одно из маленьких, но приятных свидетельств того, что страна способна обеспечивать порядок. В таком сложном деле, как почтовые отправления. «Артистамп» — маленький жанр современного искусства: художники печатают собственные марки для собственного удовольствия. Например, Александр Холопов выпустил серию «80 крышек московской канализации» под лозунгом «Лучшая канализация — лучшим людям» с обозначением «Почта бывшего СССР» и ценой «6 gram gold» (так!).

Лев — фигура чешского герба, а Мартин Зет — художник. Он не печатал марки. Мартин Зет собрал марки тех, кто управлял Прагой: действовавшие знаки почтовой оплаты. «Австро-Венгерская империя», «Чехословакия», «Чехо-Словакия», «Германский рейх», снова «Чехословакия» и, наконец, «Чешская республика»: названия стран сменяли друг друга, вместе с ними менялись и лица, менялась и суть. Клемент Готвальд — не Томаш Масарик.

«Чешский центр — это на улице Фучика или на улице Гашека?» — переспрашивали друг друга пассажиры такси, спешащие на вернисаж Мартина Зета в Москве. Водитель обернулся к заднему сиденью и сказал: «Я тоже всегда путал Фучика с Гашеком, но Гашека можно было читать, а Фучика нет». Выставка, которая только что открылась в Чешском центре, расположенном на улице Юлиуса Фучика, представляет работы художника, которого не с кем путать. Во-первых, потому что сегодня он — единственный чех, который выставляется в России так часто, как будто живет здесь: за одну неделю февраля у Мартина Зета открылись две персональных (!) выставки в Москве. Во-вторых, потому что «Зет» — такая фамилия, которую спутать можно только с «Икс» или «Игрек». Однажды в Праге я получил телеграмму от художника Зет, его фамилию пражский телеграфист подчеркнул жирной линией и поставил большой знак вопроса: «Зет?»

«Все прошло хорошо. Слишком хорошо», — жалеют художник и его друзья. Люди-львы несли портреты лидеров чешского столетия, их с любопытством встречала пражская толпа и с радостью — международная пресса. Но политики никак не прореагировали на эту провокацию, что означает: искусство в Праге — не политический жест. И даже Вацлав Клаус, который якобы назвал «бардаком» мирный митинг художника Зет, тут же отвернулся и пошел дальше. А Чешский центр, государственная культурная организация, спокойно выставил в Москве коллекцию Зета — марки, увеличенные многократно (их-то

и несли демонстранты). Вместе с фотографиями, видеофильмом и печатными отзывами о проекте «Чешская коллекция XX века». Демонстрация художников в демократической Праге стала исключительно объектом искусства.

Авдей Тер-Оганян — художник, оскорблявший святых. Вернее, человек, получивший молодежь топорами поручить цветные печатные картинки, воспроизводящие иконы. Авдею не приходится сегодня жаловаться на невнимание политиков. Говорят, сам Лужков звонил в Манеж, чтобы поинтересоваться, как это они там вандалов развели? Чешскому художнику остается только завидовать такому пристальному интересу больших шишек. Магия «политического искусства» и «искусства, оскорбляющего святых», слишком велика, чтобы так просто отделаться от нее.

Апт-арт — течение в московском неофициальном искусстве. «Апт» — от «апартамент». Квартирные вернисажи начали проводиться в Москве в середине пятидесятых. Через два десятка лет из соединения места (московских квартир) со стилем (постконцептуальным) выросло новое движение — «апт-арт». «Квартирники», казалось, были прочно забыты к середине девяностых. Есть галереи, есть и большие выставки. Зачем нужны кухонные вернисажи?

«Квартирой» то место, где живут Авдей и его друзья-художники, можно назвать с трудом. Это коммуналка, мастерская и сквот одновременно — с запутанным коридором, странными соседями и большой, но пустынной кухней, окрашенной в непонятный,

но грязный цвет. Именно к этим стенам Мартин Зет прикрепил десятки своих маленьких картонок-картинок. Ксерокопированные страницы из медицинских пособий, учебников военного дела, из печатного сора самых разных сортов. Оружие, уродства, болезнь выставлены в рамках из грубого, неровно обрезанного картона.

Константин Звездочетов, классик апт-арта, оклеил туалет галереи XL цветными фотографиями из модных журналов: сплошь, от пола до потолка. В гарнизонах, общежитиях, коммунальных стенах часто украшены фотографиями красок — для того, чтобы жизнь казалась слаще. Мартин Зет, чешский художник, превратил кухню Авдея Тер-Оганяна в самую мрачную русскую инсталляцию. Нишета, вырождение, маразм — печатаны на дешевой бумаге плохим ксероксом. В апартаментах Тер-Оганяна Мартин Зет открыл свою вторую февральскую выставку в Москве. И считает эту, андерграундную, более важной, чем та, официальная, в Чешском центре. Картинки на кухне закрыты картонными створками, как оконными ставнями. Но их легко открыть. И это открытие не сулит ничего приятного. Карточки, разбросанные по кухне, выглядят как естественная часть бытовой среды: их присутствие заметно не сразу. И вдруг, поднимая голову, замечаешь над притолокой двери еще одну. И еще, и еще...

«Зет» — последняя буква латиницы. Удачная фамилия для художника, который работает с идеями.